

ВИКТОР СЕНЧА

ЧЕЛОВЕК ИЗ “СМЕРША”

...Нынче на Поклонной фронтовиков-ветеранов по пальцам перечесть, хотя лет этак пять назад от орденских планок, медалей и убелённых сединой голов в глазах рябило. Не то что сегодня: раз-два – и обчёлся; если увидишь с десяток – считай повезло.

Уходят от нас ветераны, стремительно покидают. Когда-то, помнится, ещё школьником был, победители встречались у Большого побатальонно и полками; позже – дивизиями и армиями. Уже в наши дни удачей считается найти соратника, с кем в грозные военные будни тянул лямку на Калининском, Западном или каком-нибудь из Белорусских или Украинских фронтов. Где они, наши деды – лихие конники и разведка, пехота-матушка, летуны и герои морфлота? Теперь самым младшим из них аккурат под девяносто.

Странное дело, чем дальше от войны, тем больше давит некое чувство, назвать которое сразу не берусь. То ли тоска, то ли какая-то ностальгия. Скорее, мучительное желание беседы – такой, чтоб по-мужски, немногословной, но глубокой по сути. Мучительность же оттого, что желание это изначально несбыточно: мой дед, с которым как раз и хотел бы я поговорить, сложил голову в сорок третьем под Вязьмой. И отсюда моя безысходность.

Был ещё один дед, по отцу. И тоже воевал, правда, на Востоке. Где-то там, в маньчжурских степях громил лихой танкист из Кустаная самураев Квантунской армии, дойдя... до Киото. Вернулся домой победителем. На подъезде к родному городу, на каком-то полустанке, его вдруг окликнул родной голос:

- Илюха!
- Васька!

Василий был младшим в семье. Войну начинал с Курской дуги, дошёл до Берлина. В конце сорок пятого братья возвращались домой. Один – с Запада, другой – с Востока. На остановке Василий решил пройтись вдоль встречного состава – вдруг брата увидит. И увидел! К матери вернулись оба враз – целёхонькие, цветущие, повзрослевшие. С православными крестиками на груди, что надела им матушка при прощании...

Деда Илью я помню хорошо. Его лукавый прищур, могучие плечи и добрую улыбку, свет которой сохранил в душе до сих пор. А вот поговорить повзрослому не пришлось. Когда вырос, деда уже не было. Умер тихо, неожиданно, не дотянув и до шестидесяти. Лишь оставил по себе добрую память...

СЕНЧА Виктор Николаевич родился в 1960 году в г. Кустаная (Казахстан). Детские и юношеские годы провёл в городе Вятские Поляны Кировской области. Правозащитник, писатель, публицист. Автор книг “Однажды в Америке: триумф и трагедия президентов США” (2005 г.); “Этюд с кумачом без белых перчаток” (2012 г.); “Полчаса из прошлого” (сборник рассказов, 2012 г.). Печатался в журналах “Москва”, “Наш современник”, “Нева” и др. Живёт в Москве.

И всё же мне повезло. Несколько лет назад я почти случайно познакомился с удивительным человеком. Им оказался не просто фронтовик-окопник, а тот, кого в годы войны боялись как по ту, так и по эту сторону окопов. Знакомьтесь, *Иванов Леонид Георгиевич*, 1918 года рождения, профессиональный военный разведчик, генерал-майор в отставке. В годы Великой Отечественной служил в армейской контрразведке; с 1943-го — офицером легендарного “Смерша”. Автор уникальной книги “Правда о “Смерш””.

Война глазами контрразведчика — это ли не удача для любого, кому интересна родная история? Ухватившись за возможность познакомиться, я набрал нужный номер телефона и после нескольких гудков услышал густой мужской голос:

— Да, слушаю вас, Иванов...

* * *

...Мы встретились в его генеральской квартире — почти в самом сердце столицы, недалеко от станции метро “Проспект мира”. После дежурных приветствий крепко пожали друг другу руки.

Рукопожатие может рассказать о многом — даже раскрыть характер человека. Если вялое и с какой-то влажной торопливостью — с таким лучше и не здороваться вовсе, себе дороже. Подобный типчик — скользкий, юркий и ненадёжный. Зато сильная и уверенная рука всегда говорит о человеке характерном, прямом и уверенном. У Леонида Георгиевича Иванова, несмотря на его девяносто с хвостиком, рукопожатие было именно такое — сильное и даже тяжеловатое. Одним словом, мужское. И после этого мне сразу сделалось как-то легко. Хотя ещё даже не начинали разговор.

Едва разместился в гостиной — ещё одна неожиданность: телефонный звонок.

— Всё в порядке, — сказал в трубку Иванов. — Гость явился; именно тот, с кем мы договаривались о встрече. Да-да, Виктор Николаевич... Не волнуйтесь.

Вот так, ещё та закалка, “смершевская”, усмехнулся я про себя. Как говорится, на мякине не проведёшь: чужие здесь не ходят...

— Чай или кофе? — поинтересовался хозяин.

— Спасибо, на ваше усмотрение...

— Тогда предлагаю кофе, он у меня хороший...

— Сдаюсь...

— Рановато сдаётесь, молодой человек, — улыбнулся Леонид Георгиевич. — Ведь мы ещё не начинали...

Удивительное дело, этому боевому генералу на вид никак не дашь его годы — от силы семьдесят пять. Строен, крепок, опрятен, тщательно выбрит. И глаза — они не столько пронзительны, сколько умны.

Генерал Иванов — живая легенда военной разведки. “Смершевец” в годы войны, в мирное время он служил в Управлении особых отделов Группы советских оккупационных войск в Германии, в УОО по Киевскому военному округу. В пятидесятые был переведён в 3-е Главное управление МГБ СССР; в шестидесятые возглавил Особый отдел по Южной группе войск (Венгрия), тогда же получил генеральское звание. Возглавлял ОО по Прибалтийскому, Киевскому и Московскому военным округам. Лично знал Юрия Андропова, был в хороших отношениях с Яношем Кадаром и его супругой Мариной, русской по происхождению. Любимым анекдотом о своей работе Леонид Георгиевич всегда считал тот, который рассказал ему... Юрий Гагарин.

Не поспоришь — легенда. Поэтому каждый эпизод из жизни — отдельная глава, причём чрезвычайно интересная.

Но у меня всего лишь пара часов, от силы — три, чтобы удовлетворить своё писательское любопытство. А потому отведённое мне время я посвящаю самому главному в биографии этого человека — Великой Отечественной войне...

Войну Леонид Иванов встретил в Северной Буковине, под Черновицами, в самой западной точке Украины (вошла в состав СССР в июне 1940 года). Военным противостоянием пахло давно. По крайней мере, когда Молотов и Риб-

бентроп подписывали пакт о ненападении, всем было ясно: это ненадолго. Первыми самую свежую информацию получали контрразведчики. Как показало время, сильнее был тот, у кого лучше работала именно контрразведка.

Но до того как принять свой первый бой на границе, оперуполномоченный Иванов успел не раз испытать надёжный маузер в борьбе с украинскими националистами.

К тому времени, когда части Красной армии вошли в Западную Украину, она была пропитана идеями борьбы с полонизацией*. Всплеск движения за независимость выпал на двадцатые-тридцатые годы. От бывшей Австро-Венгерской империи остались лишь жалкие осколки. Одним из таких осколков оказалась Галиция. В ноябре 1918 года была создана Западно-Украинская народная республика (ЗУНР), опорой которой стала Украинская Галицкая армия (УГА). Впрочем, просуществовала она недолго: после того как в ходе польско-украинской войны сечевые стрельцы потерпели полное фиаско, фактически с 1921 года Галиция вошла в состав Польши.

Но начало было положено. В 1929 году фендрик (прапорщик) австро-венгерской армии Евген Коновалец из разрозненных националистических отрядов создал единую Организацию Украинских националистов (ОУН). К середине тридцатых оуновцы скатились к открытому террору в отношении польских оккупационных властей. За убийство министра внутренних дел Польши Бронислава Перацкого в 1936 году двенадцать членов ОУН были приговорены к длительным срокам заключения. Трое из них – Бандера, Лебедь и Карпинец – к смертной казни (позже она была заменена на пожизненное заключение).

Активный идеолог ОУН Степан Бандера просидел за решёткой до сентября 1939 года, когда Польшу оккупировали гитлеровцы. Тогда-то этот “герой” и был завербован абвером.

Из характеристики Бандеры на Нюрнбергском процессе из уст полковника Эрвина Штольце, заместителя начальника отдела Абвер-2:

“В октябре 1939 года я с Лахузеном привлек Бандеру к непосредственной работе в абвере. По своей характеристике Бандера был энергичным агентом и одновременно большим демагогом, карьеристом, фанатиком и бандитом, который пренебрегал всеми принципами человеческой морали для достижения своей цели, всегда готовый совершить любые преступления. Агентурные отношения с Бандерой поддерживал в то время Лахузен, я – полковник Э. Штольце, майор Дюринг, зондерфюрер Маркерт и другие...”

23 мая 1938 года в Роттердаме был ликвидирован Евген Коновалец. Произошло это в одном из местных ресторанов, где агент НКВД Павел Судоплатов презентовал “сладкоежке” коробку шоколадных конфет, начинённую... взрывчаткой. Однако гибель оуновского лидера ничего не изменила. Абвер-2 уже вовсю готовил боевиков из числа западных украинцев. Возглавил организацию Андрей Мельник.

В августе 1939 года произошёл раскол. Образовалось две фракции: ОУН(б) (бандеровская) и ОУН(м) (мельниковская). Но суть от этого не менялась. Миллионы немецких марок исправно шли на поддержание националистического движения в Западной Украине. Мельник стал гитлеровским агентом “Консул-1”, Бандера – “Серым”. Хозяином “бандеровцев” был абвер, “мельниковцев” – гестапо. Как ни крути – фашистские прихвостни и безжалостные каратели. Позже вся эта свора сформирует дивизию СС “Галичина”**.

Националисты ненавидели всех – поляков, евреев, “москалей” и коммунистов... И первый удар после прихода в Западную Украину Красной армии приняли на себя сотрудники НКВД...

В конце 1940 года Леонид Иванов будет назначен заместителем начальника отделения СПО (секретно-политического отдела) в составе УНКВД по

* Полонизация – насаждение польской культуры, в частности – польского языка, – в контролируемых Польшей землях с непольским населением. Помимо этого, в отношении украинцев осуществлялось политическое и экономическое давление.

** 15 октября 1959 года Степан Бандера будет убит в подъезде дома № 7 по Крайтманштрассе в Мюнхене, где после войны жил с семьёй. Агент КГБ Богдан Сташинский выстрелил ему в лицо из пистолета-шприца с цианистым калием. Причиной смерти назовут паралич сердца. Убийца Бандеры позже окажется перебежчиком; уйдя на Запад, он сам расскажет всю правду о секретной операции Лубянки. Андрей Мельник благополучно скончается в Люксембурге в 1964 году.

Черновицкой области. Основной задачей отделения была борьба с украинскими националистами. Хорошо налаженное подполье, надёжная агентура, деньги, радиосвязь, оружие – вот то, что помогало вражеским агентам вести активную борьбу с новыми властями. Стрельба из засад, повреждение линий связи, диверсии, саботаж – это тоже их “почерк”. Зверства, чинимые бандеровцами и мельниковцами в отношении не только представителей Советской власти, но и мирных жителей, заставляли леденеть кровь...

Чтобы бороться с этой нечистью, требовалось мужество, стойкость. Своё хладнокровие младший лейтенант госбезопасности Иванов проявлял, появляясь на улице Черновиц исключительно в военной форме. Вопреки угрозам и реальной опасности быть убитым прямо на улице города. И едва не поплатился за это, когда его пробитая пулей фуражка отлетала в сторону. (“Ещё бы немного, – рассказывал он, – и всё, привет!”) Стреляли также и в окна Управления НКВД.

Как-то в апреле 1941 года выехали в один из районов на задержание опасного бандита. На месте были уже в сумерках. Подошли к дому, у дверей – женщина.

– Где хозяин?

– Немае...

Одного сотрудника отправил в дом, другого – в подвал; сам полез на чердак. Однако хозяина нигде не было. Осталась клуня, сарай... Осторожно вошёл, замер – вроде тихо. Темень – глаз выколи. Не спеша поднялся на сеновал, прошёлся по мягкому селу. В одном месте нащупал лёжку – здесь кто-то недавно был. Сунул руку – тепло. Ага, значит, где-то здесь, голубчик... Вдруг внизу и сбоку послышался шорох. Кубарем вниз, следом два громких выстрела. Промазал, не на того напал... Оба затихли. Сейчас главное, мелькнула в голове мысль, не выдать себя, затаиться, чтоб в темноте уловить дыхание смертельного врага. Всё дело в выдержке. Кто окажется более хладнокровным, тот в этой дуэли и выйдет победителем... Но и медлить нельзя. Вычислят тебя – и привет! Лёгкий шорох... Мгновенно среагировав, Иванов вдавил спусковой крючок маузера, почувствовав несколько тяжёлых отдач в руку... В ответ – тишина. Пришлось отползти метра на три в сторону. Если враг ранен – он ещё опаснее, более ожесточён, да и терять ему уже нечего...

Молодость победила. Бандит был убит прямо в висок. При нём нашли список местных оуновцев. Получалось, в общей сложности следовало арестовать человек двадцать. Да ещё по разным сёлам, некоторые – у чёрта на куличках; плюс ко всему – весенняя распутица и, конечно, ограниченное время! Что делать?

И тут Иванова выручила его природная смекалка. Решили так. Наутро в села из районного военного комиссариата ушли повестки: такой-то вызывается в военкомат в целях учёта. Среди вызванных были и те, кто значился в списке убитого. Но вызвать – ещё не значит взять. Пришлось прибегнуть к хитрости. В итоге получился целый спектакль; правда, игра оказалась серьёзной.

Во главе стола в кабинете, куда вызывался военнообязанный, восседал “военком” – оперуполномоченный Иванов собственной персоной. Здесь же находился “врач” – один из подчинённых “военкома”. Кроме них, ещё присутствовал “учётчик” – человек, работавший с картотекой (тоже чекист).

Итак, спектакль начинается. Заходит сельский хлопец, представляется. “Учётчик” старательно роется в картотеке. Находит нужную карточку... А дальше очень интересно.

Под рукой чекиста всякие-разные списки, один из которых – с фамилиями агентов. Нет в списке – карточку откладывает в одну сторону, скажем, влево; в ней что-то записывают, а потом хлопча отпускают. Но вот если из списка – тогда совсем другая технология. Карточка откладывается вправо, поближе к “врачу”: какие-то, мол, проблемы со здоровьем – то ли плоскостопие, то ли с лёгкими совсем беда. К такому – особое внимание: и рост, и вес выверят, даже объём груди проверят. В Красной армии слабые здоровьем не нужны. “Болезный” поначалу вроде как напрягается, но быстро смекает, что всё идет как надо: найдут доктора какую-нибудь хворь – и в армию идти не придётся. Тем более что и желания-то особого нет.

Нда, качает головой, исследовав грудную клетку, “врач”: что-то с лёгкими.

– Куришь, поди, хлопец?

– Уху...

– Ну, раз “уху” – тогда на обследование, в город...

Так через “сито” пробежались все двадцать, оказавшиеся вдруг нездоровыми. А раз нездоровый – обязан обследоваться. Всех погрузили в машину – и в Черновицы. Только вместо диспансера – в областное Управление НКВД.

Так была выявлена целая подпольная сеть оуновцев. “Улов” оказался весомым: помимо задержания агентов, обнаружили крупный склад с австрийским и немецким оружием. Взяли оружие – спасли множество человеческих жизней...

В субботу вечером 21 июня 1941 года младший лейтенант госбезопасности Леонид Иванов, покинув Черновицы, выехал в направлении границы. В эти тревожные дни главной заботой сотрудников НКВД в приграничных районах стала работа с перебежчиками и агентами, засылаемыми на сопредельную территорию. Для встречи с одним из таких агентов Иванов и отправился на пограничную заставу.

Работы оказалось невпроворот; лёг спать далеко за полночь. А вскоре его разбудил часовой. Часы показывали ровно три.

– Вставайте, товарищ лейтенант... Нарушители!

Быстро оделся, вышел во двор. Где-то совсем близко стреляли. Вместе с пограничниками занял оборону в одном из дзотов.

Из книги Леонида Иванова “Правда о “Смерш”:

“Я передвинулся к бойнице... Звонко ударил рядом выстрел, второй, третий. В нос ударил острый запах пороховых газов. Винтовка сама собой оказалась в руках. Я быстро нашел цель и спустил курок.

Отношение к оружию в те годы было у меня пиететное [...]. Как у начинающего оперативника, был у меня, конечно же, и маузер. Кому-то это может показаться смешным, но я полюбил “маузер К-96”, широко известный ещё в гражданскую, тяжеловатый, десятизарядный, но с очень хорошим и эффективным боем. Позднее я заменил это хорошее, но также несколько прихотливое оружие на обычный надёжный наган [...].*

В ту памятную ночь нам пришлось вести тяжёлый напряжённый бой. Наше укрепление оказалось на пути, где противник сосредоточил значительные силы и настойчиво пытался преодолеть государственную границу. Офицер-пограничник, с которым мы появились в дзоте, вскоре был вынужден нас оставить, с тем чтобы привести подкрепление. Оставшись втроём, мы вели почти непрерывную прицельную стрельбу...”

Тогда же, в том первом бою, Иванов попал под авиационную бомбёжку. К счастью, для дзотов вражеские самолёты были не страшны. А через несколько дней постоянных боёв оперативника отправили обратно в Черновицы, откуда он вскоре был откомандирован в Одессу.

Самое страшное ждало впереди...

* * *

Это только кажется, что с бывалым человеком разговаривать просто и легко. Да, он много прошёл, ещё больше знает; но не факт, что это узнаете и вы. Всё дело в тактике разговора, в умении задать такие вопросы, которые собеседнику были бы не только понятны, но и способствовали тому, чтобы он рассказывал всё больше и интереснее.

– Что для вас значат такие слова, как “окопная правда” или “проза войны”?

– “Проза войны”? – удивляется Леонид Георгиевич. – Что ж, расскажу один случай. Где-то в начале войны мы несколько недель не выходили из боёв. Приползали в землянку и, не раздеваясь, валились от усталости на нары. Засыпали мгновенно. Через несколько часов – снова в бой. И вот однажды заметил: что-то случилось с моими ногами. Вроде не ранен, сапоги не прострелены. А боли в ногах такие, что впору идти в медсанбат. Будто посечены

* Однако в беседе со мной Леонид Георгиевич сказал, что самым надёжным личным оружием в военные годы показал себя пистолет ТТ; именно с таким он прошёл до конца войны.

осколками. Сначала терпел, сколько мог. Потом стало немого. Попробовал снять сапоги – не получилось. Помоги, говорю, товарищу, избавься от обуви, сильно ноги болят. Тот тянул-тянул – без толку. Режь, говорю, голенища, иначе – нет никаких сил терпеть... Одним словом, стянул он с меня эти несчастные сапоги – а там...

– Осколки? – не выдержал я.

– Нет, не осколки. Полные сапоги... вшей. Вычерпывал горстями. Вся эта масса ноги и сдавила. Так что проза любой войны – вши. Они-то и есть окопная правда. Кто на войне не познал вошь – тот в окопе не сиживал...

– Какое самое страшное воспоминание о войне?

– Керчь, в сорок втором. Страшнее, чем там, не было нигде. Трупы, которые в такт волнам качались в прибрежной воде. Почитайте в моей книге, я там об этом писал...

“С пирса было видно, что в морской воде находится большое число трупов, почему-то они были в вертикальном положении. Кто был в шинели, а кто в ватнике. Это были убитые или утонувшие наши люди. Была небольшая волна, и создавалось впечатление, что они как бы маршируют. Страшная картина. Многих она толкала на безрассудные поступки и отчаянные действия”...

– Они до сих пор у меня перед глазами, эти безымянные трупы. Десятки и сотни мёртвых людей. Страшно...

– Кстати, как вы тогда выбрались из той Керченской мясорубки?

– Мы оборонялись ещё несколько дней. Но двадцать первого мая всё было кончено. Немцы напирали. Ну, думаю, всё-таки придётся стреляться. Спасся чудом. Помог пожилой капитан, который на своей шхуне до этого несколько раз подходил к пирсу за ранеными. Он-то и шепнул: “Эта шхуна последняя. Больше не будет, всё”.

Уходили под немецким шквальным обстрелом. Несколько наших погибло. Полузатопленная шхуна всё же добралась до косы Чушка на противоположном берегу...

– Если говорить о “Смерше”, на ваш взгляд, эта структура оправдала своё предназначение в годы войны?

– Безусловно. И здесь следует отметить заслугу генерала Абакумова. Уникальный был человек. Умный, грамотный разведчик, настоящий профессионал своего дела. Сталин ему доверял. В 1943 году особые отделы НКВД оказались подчинены Наркомату обороны, объединившись в органы контрразведки “Смерш”. Как известно, поначалу планировалось другое название – “СмерНеШ” (“Смерть немецким шпионам!”); однако Сталин возразил: “Почему мы должны иметь в виду только немецких шпионов? Разве против нашей страны не действуют шпионы других разведывательных служб? Предлагаю назвать контрразведку “Смерть шпионам!”, то есть “Смерш”...” Возражений не последовало.

Сейчас много говорят, что “смершевцы” во время войны отсиживались в тылу, бражничали и окопов-то, мол, не видели. Ложь! Воевали – и ещё как! Семь тысяч погибших сотрудников, ещё столько же раненых и пропавших без вести... Эти цифры говорят сами за себя. “Смершевцы” воевали, не щадя своих жизней... Ну, а про генерала Абакумова скажу одно: а ведь немца-то он объегорил, уложил абвер на лопатки! Не это ли главное?

– Три десятка обезвреженных вами вражеских агентов – это же, по сути, целый взвод... Агент – зачастую обычный с виду парень, хорошо говоривший по-русски, да ещё с каким-нибудь характерным вологодским или курским акцентом, в форме красноармейца. И распознать его среди сотен солдат и офицеров было изначально непростым делом. Это, пожалуй, целая наука?..

– Наука, – согласился Леонид Георгиевич. – Правда, она постигалась с опытом, путём проб и ошибок. Порой – пролитой кровью...

Обычно “беседа”-допрос с подозрительным начиналась с ознакомления с так называемой книжкой красноармейца*. Книжечка как книжечка. У кого-то потёртая, изношенная от пота после долгой носки в кармане гимнастёрки; у кого-то – новенькая, такая была у новобранцев. Фамилия, имя, отчество.

* До 20 апреля 1940 года документом, удостоверяющим личность красноармейца и младшего командира, была так называемая служебная книжка красноармейца. С началом войны, в соответствии с приказом народного комиссара обороны Союза ССР № 330 от 7 октября 1941 года, во всех частях и учреждениях Красной Армии как в тылу, так и на фронте вводилась красноармейская книжка с фотографией согласно объявленному образцу.

Звание и должность... Наименование части и подразделения... Откуда призван... Военная специальность... Сведения о ранениях... Всё как обычно.

Во время беседы между делом можно спросить о городе, откуда красноармеец призван; или о госпитале, в котором одно время проходил лечение. Вполне понятно, что после ранения в руку-ногу необходимо “предъявить” доказательство в виде шрама или следа от операции. Госпитали — на них срезались многие. Всё там же, спросит дознаватель, в 13-й школе? Ну да, подтвердит солдатик, в тринадцатой. Что у парка, на улице Калинина? Да-да, именно там. Если не диверсант — не ошибётся; мало того, назовёт ещё немало уточняющих зацепок: в баню водили на соседнюю улицу, оперировал доктор Петров, а обратить на себя внимание медсестрички Катеньки из терапевтического не мечтал разве что угодивший в изолятор для дизентерийников...

Другое дело — “засланный казачок”. Каждое слово — будто выдавлено; каждый факт подается с осторожностью, чтоб не оступиться. Легче расклялся тот, у кого вся “легенда” липовая от начала до конца. И в Тамбове, откуда якобы призван, никогда не бывал; и городок Киров, где, как сказано в документах, отбывал в госпитале, знал разве что по одной-двум старым фотографиям. С таким и работать проще. Несколько несложных вопросов — и... “птичка в клетке”. Другое дело, если и в госпитале лежал, и город, указанный в красноармейской книжке, знает не понаслышке. Да и ведёт себя вполне естественно, пытаюсь шутить или рассказать какую-нибудь байку. Обычно так вели себя профессионалы, выпускники абверовских спецшкол. Такие появились ближе к концу войны.

Вот перед контрразведчиком сидит понурый красноармеец. Веснушчатый деревенский парень, откуда-нибудь из-под Пскова. И в госпитале-то лежал, и призван оттуда, откуда положено. Участвовал в боях, побывал в окружении. Только почему-то из всего взвода, оказавшегося в немецком плену, выбраться удалось лишь одному. Отсюда и подозрения. Слегка испуган, виновато прячет глаза — как-никак бежал из фашистской неволи. Таких — десятки; но этот — один из целого взвода, да и батальона тоже. Не каждый день такая удача. И удача ли?

Его красноармейская книжка от длительной носки поистрепалась, поблёкла и выцвела. Это и понятно, не всякий документ выдержит пот, болотную жижу, речную воду и просто грязь. Поэтому книжка эта влажная и липкая — одним словом, непрезентабельная. Но это не беда. Главное, знает “смершевец”, чтоб “презентабельной” оказалась одна существенная деталь этой книжицы. *Скрепки!* Вот что не могли предусмотреть абверовские умельцы. От пота, воды и грязи металлические скрепки подёргивались налётом и ржавчиной. Если, конечно, не были сделаны из нержавеющей стали. На этом немцы и погорели: в поддельных красноармейских книжках скрепки клепались из нержавеющей стали! Открыл книжку, взглянул на скрепки — ржавые. Не врёт солдатик из-под Пскова, свой, везунчик. А уж коли из нержавеющей стали — не взыщи, касатик...

Иногда на поддельных подводил шрифт. Однажды контрразведчики заметили, что на стр. 4 красноармейской книжки буква “к” как-то странно, будто пьяная, ушла вверх. Присмотрелись, ещё одна, неожиданно завалившись, в конце странички сползла вниз. Что за чехарда? Причём солдатик с кривыми буквами, по странному стечению обстоятельств, прошли одни и те же “котлы” — Вяземский, Харьковский, Демянский... Лёгкий дефект вражеской типографии стоил жизни десяткам агентов противника.

И не только это. Скрупулёзность “смершевцев” удивляла даже опытных сыскарей. (Впрочем, они и были самыми что ни на есть сыскарями!) Бывало, документы оказывались настолько профессионально легендированы, что комар носа не подточит. Хотя сомневаться в достоверности ориентировки не приходилось: диверсант. Однако и в родном городе его, что называется, “каждая собака знала”, да и книжечка со “ржавчинкой”. На такого имелись другие приёмы. Скажем, награды.

Взять, к примеру, орден Красной Звезды. Славный орден, будто пропитанный кровью красноармейца. Такой требует не только трепетного к себе уважения, но и должного его значимости пиетета (словечко генерала Иванова). Не уважать такую награду мог разве лишь тот, кто не был достоин её. А вот некоторые этим явно пренебрегали — например, носили на левой стороне груди. С чего бы вдруг? А ведь это улика! Потому как в первые годы “звёздочку”, и правда, носили слева; но позже, в годы войны, согласно

отдельному циркуляру, сторону поменяли на противоположную. И не знать этого мог только “пришлый”...

– Некоторые современные “писакИ” чего только не измышляют про ужасы, творимые “смершевцами” в годы войны. Заподозрили в шпионаже, попытались “расколоть”, и если красноармеец ни в чём не признавался, его тут же выводили куда-нибудь за угол и, не мудрствуя лукаво, расстреливали.

– Всё это неправда. Даже в случае явного разоблачения вражеского агента его не расстреливали во дворе комендатуры. Выявили негодяя – и в следственное отделение. Дальше с ним занимались военные следователи. Мы сами никогда не расстреливали. Перед нами стояли совсем другие задачи...

– А как обстояло дело с так называемыми самострельщиками?

– С этими – то же самое. После тщательного расследования и доказательства вины их судили...

* * *

...В июле 1944 года Ставка готовила Яско-Кишинёвскую операцию. Утечка любой секретной информации грозила повлечь за собой серьёзные неприятности. “Неприятности” на войне – это, в первую очередь, человеческие жертвы. Чем выше уровень секретности, тем большее количество жертв.

Именно в те дни было получено сообщение, что в 49-й гвардейской стрелковой дивизии, ведущей боевые действия на днестровском плацдарме, действует агент абвера. Имелись его данные – фамилия, имя и отчество. А ещё – прекрасная наводка: перед войной этот малый работал поваром в московском ресторане “Метрополь”.

К тому времени капитан Иванов уже служил в армейской контрразведке 5-й Ударной армии. Быстро оценив важность полученной информации, “смершевцы” тут же отправили шифрограмму в отдел контрразведки дивизии о задержании опасного агента. Однако спустя несколько дней получили ответ: такой в дивизии не числится. Иванов срочно выехал в дивизию.

Два-три дня ушло на то, чтобы собрать все имеющиеся списки личного состава – живых, убитых, раненых и больных, пропавших без вести, бывших в командировках... Агента в этих списках тоже не оказалось. Либо что-то напутали разведчики, либо... плохо искали. Иванов не привык валить вину на кого-то. Прежде всего, считал он, следует быть разыскательным к себе. Поэтому необходимо было продолжать поиски. Но, к сожалению, они ничего не дали. Придётся, вздохнул Иванов, возвращаться ни с чем...

Из книги “Правда о “Смерш”:

“... Перед отъездом мы сели позавтракать в землянке начальника отдела Васильева. Я обратил внимание на удивительное для боевых условий высокое качество завтрака. Поинтересовался: кто готовил?

Васильев ответил, что недавно у него во взводе охраны ОКР “Смерш” появился новый солдат, работавший поваром до войны. У меня сразу возник вопрос:

– Слушай, Васильев, а список твоего взвода мы проверяли?

Васильев при этих словах словно окаменел, поражённый догадкой:

– Так это он и есть! Тот, кого мы разыскиваем. Солдат-повар, который подаёт нам завтрак.

Я говорю:

– Спокойно, никаких эмоций, доедим, как обычно, свой завтрак до конца.

После завтрака взял список взвода охраны отдела “Смерш” дивизии и убедился, что солдат-повар действительно является разыскиваемым шпионом...”

Остальное было делом техники. Иванов вызвал предателя на “беседу”, во время которой похвалил: хорошо готовишь. А потом продолжил: у нас, мол, в штабе армии у одного важного генерала желудок больной, ему диета нужна; поваром к нему пойдёшь? Тот, конечно, согласился. А уж когда прибыли в отдел армии, там его и “раскололи”. Рассказал всё – кем, когда и с какой целью был завербован, чем занимался в боевой дивизии и т. д. Как оказалось, задержали изменника за несколько дней до ухода его к немцам; а до этого агент намеревался похитить некоторые оперативные документы в отделе контрразведки...

23 апреля 1945 года части 5-й Ударной армии вошли в Берлин. 2 мая Берлинский гарнизон капитулировал. Всё это воодушевляло, хотя для контрразведчиков начиналась самая ответственная работа. Майору Иванову было приказано возглавить оперативную группу, действовавшую в районе Рейхсканцелярии. Главная задача группы заключалась в поиске и задержании главных военных преступников; в сфере интересов были также фашистские разведорганы, гестапо, а также гитлеровские секретные документы, архивы, картотеки агентуры, ценности...

Как только была взята Рейхсканцелярия, туда отправили оперативную группу под командованием майора Зыбина; остальным Иванов приказал работать в здании гестапо. Сам он в это время находился в Карлсхорсте, поэтому приходилось командовать "на расстоянии". В отсутствие начальника произошёл один неприятный инцидент.

Из книги Леонида Иванова:

"... И вот Зыбин присылает мне записку: "Леня, пришли грузовую машину. Нашёл труп Геббельса". А у Зыбина был легковой автомобиль "опель" – машина маленькая, и майор не рискнул затолкать в неё тело. К тому же он боялся везти его по разбитым бомбами и снарядами улицам Берлина. Дескать, в дороге тело так растрясёт, что его никто не узнает, и скажут: "Ну, и чего ты нам какого-то дохлого фрица привез?" Я послал Зыбину полторку и солдата. Но у нас было соревнование – отдел контрразведки 3-й Ударной армии выполнял ту же задачу. Начальник этого отдела, полковник Мирошниченко, с группой сам приехал в Рейхсканцелярию, увидел майора Зыбина и спрашивает, указывая на тело: "Это что такое?" "Товарищ полковник, Геббельса нашёл!" – радостно отрапортовал мой подчинённый. Мирошниченко тут же распорядился забрать труп в свою армию. Зыбин был небольшого роста, он встал перед полковником, выпятил грудь вперёд и заявил: "Мой трофей, не отдам!" Тот развернулся и как ударит того наотмашь! Так труп Геббельса достался "Смерш" 3-й армии..."

Вскоре были найдены трупы Адольфа Гитлера, Евы Браун, их собаки... Возмездие осуществилось!

Обгорелый труп – всего лишь труп. Зато в распоряжении группы майора Иванова оказались личные вещи известных нацистов. Через его руки прошли семь личных кителей Гитлера, на каждом из которых имелись золотые знаки с нацистской символикой; на отворотах, у внутреннего кармана, готический вензель с первыми буквами имени и фамилии – "АН". Удивили контрразведчиков ботинки "колченогого" доктора Геббельса – каблук одного из них был гораздо толще. Так был раскрыт геббельсовский секрет: одна его нога была короче. Рыцарские кресты с бриллиантами, дорогие авторучки, генеральские папки, прочие личные вещи главарей гитлеровского Рейха и всякого рода канцелярские принадлежности Рейхсканцелярии – ничто не произвело на советских офицеров ни малейшего впечатления. И лишь единственный "трофей" привлёк внимание – *витамины*, которые употреблял "бесноватый фюрер". Три коробки витаминов (внешне схожих с кусочками рафинада) стали наградой группе на несколько месяцев вперёд.

Как уже говорилось, особое внимание уделялось поиску архивных документов и ценностей. Солдаты дивизии генерала Антонова недалеко от вокзала обнаружили подземный склад СС. Вход замаскирован, массивные чугунные двери. В подземелье – длинные коридоры, крысы, смрад... С правой стороны оказались ящики. В них обнаружили много золотых вещей – часы, золотые челюсти убитых; в некоторых хранились просто золотые слитки. Были ящики с какими-то золотыми египетскими монетами треугольной формы. Одним словом, ценностей там оказалось много. Позже всё это было отправлено в Москву...

Особенно майору Иванову запомнился один момент 2 мая 1945 года. Именно в тот день скромный деревенский парень на стене Рейхстага написал: "Л. Иванов из Тамбова". Это была жирная точка – то, ради чего стоило жить все четыре года самой ужасной войны...

В тот же день Иванов принял участие в принятии капитуляции немецких войск Берлинского гарнизона. А 8 мая состоялось подписание Акта о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии. Иванова включили в состав оперативной группы контрразведки "Смерш" 1-го Белорусского фронта. Важ-

ность момента требовала особых мер безопасности. На Темпельгофском аэродроме Берлина встречали представителей союзных войск, откуда (вместе с немецкой группой Кейтеля) через разбитую столицу поверженного Рейха гостей пришлось сопровождать в Карлсхорст. Особо приходилось охранять генерал-фельдмаршала Вильгельма Кейтеля. Последний, как начальник штаба Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии, должен был от лица нацистской верхушки подписать Акт о безоговорочной капитуляции. Если бы с ним что-то случилось, другого официального представителя найти было не так-то просто. Любое промедление могло обернуться новой кровью...

Подписание Акта о капитуляции Германии должно было состояться в здании местного инженерного училища. Наиболее сложная задача ложилась на плечи майора Иванова: он отвечал за внешнюю безопасность – как сейчас бы сказали, за внешний периметр охраны.

Из книги “Правда о “Смерш”:

“В Карлсхорсте... хоть и недолго, ведь я был при исполнении, но и мне посчастливилось быть в том зале, где проходило подписание.

Был я именно в тот психологически очень яркий момент, когда в зал вошёл фельдмаршал Кейтель и его делегация. Я обратил внимание, что при входе в зал члены немецкой делегации быстро переглянулись. Дело было, наверное, в том, что выразительный ковёр, которым покрыли зал, был взят из кабинета Гитлера. Они, конечно, сразу его узнали и соответственно среагировали. Сам Кейтель пристально вглядывался в волевое лицо маршала Жукова, наверное, пытаясь запомнить своего победителя. Г. Жуков был абсолютно спокоен, внимателен, точен в движениях и эмоциях.

После подписания капитуляции был устроен пышный банкет. Великолепные напитки и наилучшие закуски были заранее привезены из Москвы, а горячее приготовлено хорошими поварами. Сидели за столом до утра, танцевали, пели.

Возник вопрос о том, как быть с немецкой делегацией – кормить их или нет? Задали этот вопрос Вышинскому – он был тогда заместителем министра иностранных дел. Он ушёл от ответа, заявив, что это дело не его, а военных. Тогда обратились к Г. К. Жукову. Тот ответил:

– Дать им, гадам, всё, что есть на нашем столе. Они знали русских во время войны, пусть теперь узнают после войны...”

Как рассказал Леонид Георгиевич, сразу после подписания Акта о капитуляции боевые действия были прекращены. Радости всех не было предела: войне конец! Победа! Там же произошёл один курьёзный случай. Глава французской делегации де Латр де Тассиньи настолько “радовался”, что, не рассчитав дозу выпитого, уснул прямо за столом. Это стало очередным поводом для всеобщей шутки: мало того, что французы всю войну проспали, так ещё и победу...

Тяжёлым ударом, омрачившим радость Победы, стала для майора Иванова гибель командующего 5-й Ударной армией генерал-полковника Николая Эрастовича Берзарина, назначенного первым комендантом поверженного Берлина. Он был знаком с командующим лично, очень его уважал; они импонировали друг другу. “Культурнейшим генералом Красной армии, у которого есть масштаб,” назвал Берзарина писатель Всеволод Вишневский.

Благодаря активности советского коменданта Берлина населению германской столицы удалось избежать массового голода. Уже через несколько дней после окончания войны был пущен берлинский метрополитен; к середине июня открыли двери 600 столичных школ, было организовано 90 детдомов для сирот.

16 июня 1945 года произошла трагедия. Как рассказал Леонид Георгиевич, на выезде из арки в районе Карлсхорста “цундап” коменданта столкнулся со “студебеккером”, следовавшим в перпендикулярном направлении. Удар головой о раму грузовика стоил генералу жизни...

* * *

Июньский день неумолимо клонился к закату. Два часа беседы, на которые я рассчитывал, явно затянулись. Но чем больше Леонид Георгиевич рассказывал, тем дольше хотелось его слушать. Терпеливо, внимательно, с ог-

ромным интересом, стараясь сохранить в записной книжке каждое его слово.

— Сейчас такое рассказывают и пишут про произвол красноармейцев на территории Германии, в том числе — в Берлине. Неужели правда?

— Всякое было, — чуть помолчав, ответил Леонид Георгиевич. — Но в наши дни враньё перешло все мыслимые границы. Если верить, то получается, русский Ваня изнасиловал всех немецких женщин. Враньё! Неприкрытая, наглая ложь! Конечно, война есть война, были эпизоды. Но, поймите, *е-ди-нич-ны-е*. Фашисты — да, насиловали; зачастую, поиздевавшись, ещё и пристреливали. Геббельсовская пропаганда о недочеловеках давала о себе знать. Ну, а в Красной армии с такими явлениями серьёзно боролись. А вот немецкие бордели в послевоенной Германии, не скрою, были, но тут же прикрывались нашим командованием.

— Что-нибудь из неординарного времён послевоенной Германии можете рассказать?

— Конечно. Ну, хотя бы вот такой случай. Один наш старший офицер, майор по званию, полюбил немку. Надо сказать, это категорически не поощрялось, а попросту — запрещалось. По нашим данным, дамочка ещё и работала на иностранную разведку. Чем всё это могло закончиться — мы поняли сразу: изменой. Я вызвал этого офицера к себе, поговорил с ним довольно жёстко. Не порвёшь с немкой, говорю, выпроводим из Германии домой.

А потом произошло неожиданное — майор этот... пропал. Первыми забил тревогу в его части: не явиться без уважительной причине на службу уже само по себе являлось серьёзным проступком. Проходит день, два, а его всё нет. Потом об этом узнали мы. Не скрою, всполошились. Наверняка, подумали, драпанул за кордон со своей немкой. Хорошо — знали, где та проживала. Сразу туда. Дверь закрыта; на звонки и стук никто не отвечает. Пришлось взламывать... Они были здесь, оба. Лежали в кровати валетом. Он застрелил любимую женщину из пистолета в сердце, потом — себя, в висок...

На столе обнаружили записку. Просил никого не винить. Майор не мог прервать любовные отношения, как того от него требовали. Но и уход на Запад в глазах офицера выглядел предательством. На двойное самоубийство пошли по взаимному согласию. Схоронили их в одном гробу...

В служебной карьере Леонида Иванова был ещё один эпизод, непосредственно связанный с Великой Отечественной. Вернее — с её самым прославленным полководцем — Георгием Константиновичем Жуковым. Роль маршала Жукова во Второй мировой войне переоценить трудно. Безусловно, ту войну выиграл *советский солдат*. И числом, и умением. А ещё потому, что рукоять меча, громившего фашистскую гадину, держал талантливейший полководец.

После войны всё изменилось. Для кремлёвских вождей маршал стал видаться исключительно в ореоле Бонапарта, косившегося на большевистский трон.

В пятидесятые, в бытность Леонида Иванова начальником 1 отдела 3-го главного управления контрразведки, в его руках оказалось дело, заведённое в своё время на маршала Жукова. На Лубянке особые дела и назывались по-особому. Жуковское дело было известно как *“Гордец”*. В нём содержались протоколы допросов генералов и офицеров, охранников и сослуживцев, даже поваров. Были, в частности, результаты прослушки его телефонов и обыска квартиры и дачи.

— Я видел эту дачу — небольшой деревянный сруб в лесу. Не сказал бы, что уж какие хоромы, — рассказывает Леонид Георгиевич. — В Одессе, куда отправил опального маршала Сталин, процветал бандитизм, преступность зашкаливала. Офицеры прозябали в жалких условиях; о собственном жилье приходилось лишь мечтать. А он и с бандитами расправился, и офицеров квартирами обеспечил. Казалось бы — молодец! Ан нет, в ЦК посыпались письма с жалобами: всё, мол, делает ради карьеры — настоящий культ личности вокруг себя создал. Хорошо, перевели в Свердловск. Та же песня. Вот, пишут, Жуков в театр приходит, а его там встречают аплодисментами, стоя, и так несколько минут. Культ личности!

На трёх листах — перечень вещей, найденных при обыске квартиры: антиквариат, дорогие картины, посуда, шубы, золотые вещи, десятки дорогих шкур... Писали, что хотели! Потому что знали: никто не будет проверять. Тут ещё такое дело: Жуков и Абакумов были в скверных между собой отноше-

ниях. Отсюда и абакумовская приписка: "... ощущение, что особняк находится не под Москвой, а где-то в предместьях Берлина". Но маршал держался, никого не оговаривал, да и про Сталина плохого ничего не говорил. А потом всё изменилось: Абакумова арестовали, Сталин умер, а Жуков стал замминистра, вскоре – и министром.

Когда это оперативное дело находилось у меня, маршал был членом Политбюро. Ввиду всей несостоятельности и надуманности этого дельца я обратился к Серову, возглавлявшем тогда КГБ, с тем чтобы дело "Гордец" уничтожить. Серов долго сомневался, но потом дал согласие. И я его уничтожил. Лично...

– Хотите анекдот? – обратился ко мне перед уходом Леонид Георгиевич. – Не поверите, мне его при знакомстве рассказал Юрий Гагарин. Так вот, гагаринский анекдот.

Сидят в тюрьме трое немецких парашютистов-диверсантов. Рассказывают друг другу, при каких обстоятельствах взяли каждого.

– Спустился на парашюте, цел и невредим, – рассказывает первый. – И прямо на колхозное поле. А там местные бабы с косами и вилами солому в стога собирают. Увидели меня, окружили, косы и вилы приставили к горлу... Пришлось сдаться...

– Приземлился удачно. Ничего не вывихнул, не сломал, – говорит второй. – И надо же такому случиться – прямо на территорию пионерского лагеря. Увидав меня, пионеры налетели, повалили... Пришлось сдаться...

– Нет, ребята, у меня всё было по-другому, – вздыхает, качая головой, третий. – Приземлился нормально, в лесу. Зарыл парашют, припрятал документы, переоделся. Вышел к железной дороге, сел на поезд, проехал километров двести. И тут захотел есть. С поезда сошёл, смотрю – гастроним. Я – туда. Очередь человек десять; на полках – хлеб, колбаса и водка. Ничего, думаю, постою. Гляжу, в стороне стоят двое мужиков. То на водку посмотрят, то на меня; то на водку, то на меня... Потом подходят и говорят: "Ну что, третьим будешь?"...

И тут я понял, что где-то прокололся. Пришлось сдаться...

При расставании мы вновь обменялись рукопожатием. Крепким, мужским. Попрощались, как старые знакомые. Я знал: ему очень грустно. Совсем недавно этот человек потерял любимую супругу – Полину Ивановну. Она тоже была военной разведчицей, служила в 5-й Ударной армии. Но ни о чём этом не стал его спрашивать. Решил, не к чему бередить ветеранскую душу...

С тех пор мы иногда перезванивались. Не реже трёх раз в год – на Девятое мая, в августе, когда у Леонида Георгиевича день рождения, и, конечно, 19 декабря, в День военного контрразведчика. Помню, рассказал ему о том, какое сильное впечатление произвёл на меня его портрет, выполненный выдающимся мастером Александром Шиловым. "Нелегко, конечно, было мне ездить на Знаменку, да и позировать по несколько часов – тоже тяжело, – сетовал ветеран. – Но художник был очень учтив: каждый раз встречал меня лично и сопровождал в свою мастерскую..."

А потом... Потом звонки прекратились. И так уже несколько месяцев. К сожалению, я до сих пор не знаю, что же произошло. Но самые худшие предположения упорно пытаюсь отгонять. Просто возраст, успокаиваю сам себя; разведка не подведёт, та ещё, "смершевская"... И надеюсь дозвониться как-нибудь позже.

Да вот беда, пока не удаётся. Хотя это ни о чём не говорит. В разведке такое случается. И я ничуть не сомневаюсь, что однажды, набрав давно выученный наизусть номер телефона, обязательно услышу знакомое:

– Да, слушаю вас, Иванов...